

© 2023. Татьяна Касаткина

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Кир Персидский и «Физиология» Льюиса в «Преступлении и наказании»

© 2023. Tatiana A. Kasatkina

A.M. Gorky Institute of World Literature Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Cyrus of Persia and Lewes' *Physiology* in the Novel *Crime and Punishment*

Информация об авторе: Татьяна Александровна Касаткина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, зав. научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-0875-067X>

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Аннотация: статья посвящена значимому присутствию в романе «Преступление и наказание» книги Джорджа Генри Льюиса «Физиология обыденной жизни» — единственной книги, прямо упомянутой Мармеладовым среди того, что составило «просвещение» его дочери Сони — а также парному к ней сообщению о том, что историческое образование Сони закончилось на Кире Персидском. Выдвигается предположение о том, по какому именно учебнику истории занимался с Соней Мармеладов. Как фигура Кира Персидского, так и «Физиология обыденной жизни» рассматриваются с точки зрения того, какую философию они могли зародить или подкрепить в сознании героини и читателя. Приводится также развернутое оглавление «Физиологии», отчасти дающее представление о характере этой книги, которое отличается от того представления, которое исследователи и комментаторы романа Достоевского в XX–XXI веках почерпывали из рецензий на нее, опубликованных вскоре по выходе перевода, а также из рецензий на «Преступление и наказание», упоминающих книгу Льюиса.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», Джордж Генри Льюис, «Физиология обыденной жизни», физиология как философия, Кир Персидский, С.Н. Смарагдов, Иван Кузьмич Кайданов, учебники древней истории в XIX веке.

Для цитирования: Касаткина Т.А. Кир Персидский и «Физиология» Льюиса в «Преступлении и наказании» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4 (24). С. 93–128. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-93-128>

Information about the author: Tatiana A. Kasatkina, DSc in Philology, Director of Research, Head of the Research Centre “Dostoevsky and World Culture,” A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-0875-067X>

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the significant presence in *Crime and Punishment* of George Henry Lewes' *Physiology of Common Life*, the only book explicitly mentioned by Marmeladov among what constituted his daughter Sonya's "education," and to the paired message that Sonia's historical education ended with Cyrus of Persia. A suggestion is made as to which history textbook Marmeladov used to tutor Sonya. *Physiology of Common Life* (as well as the figure of Cyrus of Persia) is examined in terms of what philosophy it may have engendered or reinforced in the minds of the character and the reader. The extended table of contents of the *Physiology* is also provided, in order to offer a partial insight into the character of the book that differs from the insight that scholars and commentators of Dostoevsky's novel in the twentieth and twenty-first centuries have drawn from reviews of it, published shortly after the translation came out, as well as from reviews of *Crime and Punishment* that mention Lewes' book.

Keywords: Dostoevsky, *Crime and Punishment*, George Henry Lewes, *Physiology of Common Life*, physiology as philosophy, Cyrus of Persia, S.N. Smaragdo, Ivan Kuz'mich Kaidanov, text books on Ancient history in the 19th century.

For citation: Kasatkina, T.A. "Cyrus of Persia and Lewes' *Physiology* in the Novel *Crime and Punishment*." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (24), 2023, pp. 93–128. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-93-128>

При самом первом представлении Сони в романе читателю сообщают об **одном** историческом лице и **одной** книге, которыми определяется все образование, ею полученное. Однако слова «образование» в тексте нет: поскольку Мармеладов с горькой иронией (а автор — вполне серьезно), объединяя сообщение об этом лице и этой книге, употребляет слово «просвещение» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 16].

Лицо, знакомством с которым завершилось Сонино обучение в сфере истории и географии, — Кир Персидский («На Кире Персидском остановились» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 16]).

О том, по каким именно изданиям Соня знакомилась с фигурой и личностью Кира Персидского, не сказано; и не сказано, по-видимому, потому, что в данном случае это не имеет решающего значения и внимание читателя должно быть обращено именно на историческую фигуру, а не на книгу. Но предположение все же возможно — и на мой взгляд, после просмотра ряда исторических изданий, входящих в круг представлений Достоевского именно о детском учебном чтении — оно достаточно очевидно.

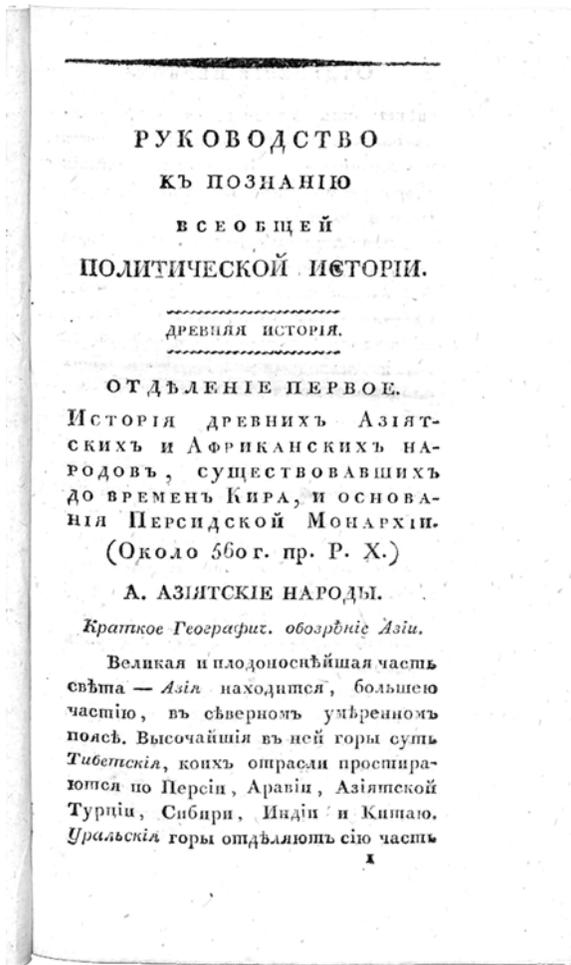
Понятно, что Кир Персидский — важная, ключевая фигура в любом учебнике, посвященном древней истории. Но вот сообщить об этом читателю при оформлении материала можно разными способами.

Например, в «Руководстве к познанию древней истории для средних учебных заведений, сочиненном С. Смарагдовым, учителем истории и географии при Сиротском институте Гатчинского воспитательного дома» которое ко времени, когда Мармеладов занимался с Соней, вышло уже седьмым изданием, отделение первое называется «Египтяне и азиатские народы до 555 г. до Р.Х.» — и в качестве колонтитулов используется название того народа, о котором идет речь: «Египтяне», «Карфагеняне», «Евреи» и т.д. Второе отделение называется «Мидо-Персидское Царство», и в качестве колонтитулов опять-таки используются названия народов: «Мидяне», «Персы» [Смарагдов, 1859].

А вот в Руководстве к познанию всеобщей политической истории профессора Ивана Кайданова, по «линейке» учебников которого учился и сам Достоевский, в части первой «Древняя история, изданная для воспитанников Императорского Царско-сельского Лицея и учрежденного при нем Благородного Пансиона» первое отделение названо так: «История древних Азиатских и Африканских народов, *существовавших до времен Кира*, и основания Персидской Монархии (около 560 г. пр. Р.Х.)»¹ [Кайданов, 1817, с. 1 основной пагинации].

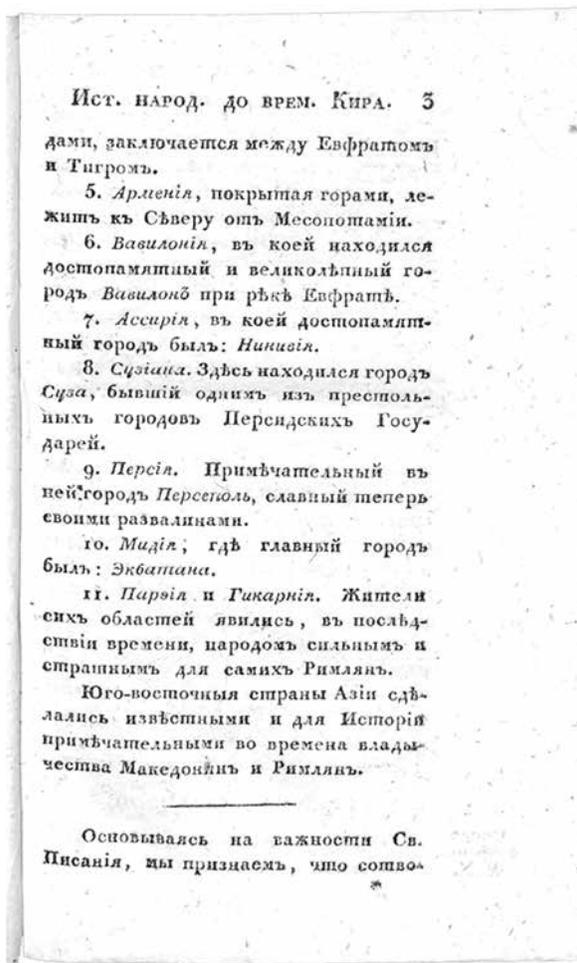
¹ В цитатах курсив и курсив+полужирный — выделено мной, жирный шрифт — выделено цитируемым автором. — Т.К.

А колонтитул для этой части (то, что возникает перед глазами читателя на каждом развороте), оформлен так: «Ист. народ. до врем. Кира» [Кайданов, 1817]. Таким образом, именно у Кайданова мы находим достаточно навязчиво предьявленное читателю представление о Кире как о маркирующей, разделяющей этапы познания истории фигуре; как о том, кто завершает одно – и начинает что-то совсем иное.

О самом Кире у Кайданова написан маленький абзац во втором отделении – и на внешнем слое восприятия читатель, читавший учебник Кайданова и затем читающий «Преступление и наказание»

понимает, что образование Сони продвинулось крайне недалеко, а Мармеладов был крайне необязательным учителем — первое отделение занимает в учебнике ровно 30 страниц (крупного шрифта, больших полей и с большими междустрочными пробелами расположенного текста) основной пагинации.

Важно, однако, что о Кире Персидском сообщает и Книга, лежащая в основе всей европейской культуры. Причем Библия решительный акцент делает на свободе, дарованной Киrom находившимся в пленении евреям: они были освобождены из рабства, им позволено было возвратиться в обетованную землю и восстановить Храм.

Кир Персидский — формально, на первый взгляд, вполне могущий быть поставленным Раскольниковым в его ряд великих людей как завоеватель, создатель огромной империи², основанной, по логике Раскольникова, на новом законе — прежде всего в библейской истории известен как освободитель, выводящий еврейский народ из вавилонского пленения, в котором евреи и оказались именно потому, что многие из них начали отворачиваться от прежде данного им закона, пренебрегать им, следовать иным законам³. Кир становится велик и славен именно как восстановитель Храма и **восстановитель старого поруганного закона**.

Раскольников рассуждает так: «Далее, помнится мне, я развиваю в моей статье, что все... ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый **закон**, тем самым **нарушали** древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая

² Причем, заметим, что Кир — не создатель *одной из* великих империй, он основатель и создатель *первой* великой империи: «Персидское Государство было *первое великое Государство на свете*» [Кайданов, 1817, с. 28 основной пагинации]. И далее: «<Кир> произошел из благородного Персидского поколения Ахеменидов, и был внук Мидийского Государа Астиага, под властью коего находились тогда Персы. Собрав рассеянных Персов и возбудив в них мужество, он устремился с ними противу своего деда и низпроверг престол его. Сей первый успех возбудил в нем охоту к завоеваниям и вскоре Персы, под предводительством его, покорили Вавилонию, Малую Азию и все страны от Архипелага до Инда. Тогда явилась *первая великая Монархия на свете!*» [Кайданов, 1817, с. 29–30 основной пагинации].

³ Заметим, что с пребыванием в Вавилонском пленении прямо сравнивалось состояние христианского человечества, удаляющегося от Божественного закона, и в XIX веке: «Из таких запутанностей и трудностей нашего времени, к которым приравняется разве древний Вавилонский плен, выйти миру и самой вере нашей возможно ли без прямого воззрения к деснице Вседержителя, расположившей заранее все судьбы мира и церкви и назначившей вывести и нового Израиля из отяготившего на многих, многих в нем Вавилонского плена?!» [Бухарев, 1865, с. 218].

Обратим внимание на замечательный поворот мысли Бухарева: в новое время это уже не внешний и общий, но внутренний и личный Вавилонский плен. И вот опознаваемо раскольниковские черты этого нового вавилонского пленения, перечисляемые автором: «Любовь между людьми иссушается не только от умножения пороков, но и от эгоистической борьбы многоразличных воззрений и мнений». [Бухарев, 1865, с. 216]. «Чувствуется многими потребность в обновлении жизненных основ; а некоторыми овладевает даже дикое стремление разрушать существующий порядок вещей» [Бухарев, 1865, с. 218].

за древний закон) могла им помочь» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 199–200].

Достоевский же здесь, по обыкновению своему, вторгается в речь Раскольникова скрытой евангельской цитатой. Христос говорит о своей миссии: «Не думайте, что Я пришел **нарушить закон** или пророков: Я **не нарушить** пришел, но исполнить» (Мф. 5:17)⁴. Нужно при этом понимать, что «исполнить» здесь имеет явственное значение «восполнить», а не «воспроизвести». То есть — Христос приходит не для «соблюдения в соответствии с буквой» древнего давно данного закона (что было бы и бессмысленно — он давно дан людям, заключившим с Богом завет, и может быть соблюдаем человеческими силами) — но для **раскрытия** этого закона в его потенциях, неисполнимых для человека без Божественной помощи — и без исполнения которых недостижимо обожение: восстановление и обретение божественной природы человека. Это **восполнение** закона мы и видим отчетливо в дальнейшем ходе главы, в ряде замечательных усилительных сопоставлений: «Вы слышали — а Я говорю». Например: «Вы слышали, что сказано древним: не убей, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам: всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; а кто скажет брату своему: рака́, подлежит верховному судилищу; кто же скажет: бессовестный, подлежит геенне огненной» (Мф. 5:21–23); «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с похотствованием, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5:27–29). И так далее — везде мы видим вздымающуюся выше прежних требований и выше человеческого понимания новую божественную высь прежнего закона, данного прежде на человеческом уровне: закон **восполненный**, но не нарушенный, не отмененный, не замененный.

Отмена же и понижение требований (что собственно и есть **изменение** закона, создание **нового** закона) ясно оговорены Христом там же — и связаны, как и у Раскольникова (только с совсем другим вектором) с категорией человеческого **величия**: «Ибо истинно говорю вам: скорее пройдет небо и земля, нежели пройдет одна йота или одна черта из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так человек, тот малей-

⁴ Здесь и далее синодальный перевод сверен и поправлен по тому евангельскому тексту, который постоянно читал Достоевский [Евангелие Достоевского, 2010] — Т.К.

шим наречется в Царствии Небесном; но кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Мф. 5:18–20).

В романе мы видим, что Соня восполняет, превосходит данный до Христа закон в соответствии с движением восполнения, заданным Христом: отдавать — и отдавать много больше, чем просят. И она находит себя грешницей именно тогда, когда понижает, а не повышает планку закона, когда вдруг хочет не отдать, уберечь для себя, присвоить (см. об этом: [Касаткина, 2023, с. 178–194]). Раскольников же, принесением в жертву другого, а не себя, радикально роняет эту планку, вследствие чего оказывается в глубоком **удинении**: такое состояние Достоевский в «Братьях Карамазовых» прямо определит как **глубокое унижение** человека.

Но вот что говорит Библия о Кире и восстановлении им Храма и закона: «А в первый год Кира, царя Персидского, во исполнение слова Господня, сказанного устами Иеремии, возбудил Господь дух Кира, царя Персидского, и он велел объявить по всему царству своему, словесно и письменно, и сказать: так говорит Кир, царь Персидский: все царства земли дал мне Господь Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас — из всего народа Его, [да будет] Господь Бог его с ним, и пусть он туда идет» (2Пар. 36: 22–23).

Исайя, в свою очередь, говорит о Господе, «Который говорит о Кире: пастырь Мой, и он исполнит всю волю Мою и скажет Иерусалиму: “ты будешь построен!” и храму: “ты будешь основан!”» (Ис. 44:28).

«Так говорит Господь помазаннику Своему Киру: Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе народы, и сниму поясы с чресл царей, чтоб отворялись для тебя двери, и ворота не затворялись; Я пойду пред тобою и горы уравнию, медные двери сокрушу и запоры железные сломаю; и отдам тебе хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства, дабы ты познал, что Я Господь, называющий тебя по имени, Бог Израилев. <...> Я воздвиг его в правде и уравнию все пути его. Он построит город Мой и отпустит пленных Моих, не за выкуп и не за дары, говорит Господь Саваоф» (Ис. 45:1–14).

Скажу здесь также, в дополнение к тому, что уже описано исследователем, сосредоточившимися при толковании призыва Порфирия Петровича к Раскольникову: «Станьте солнцем», на именовании так правителей и преобразователей человечества кроме Христа [Подсокорский, 2023], что, согласно «Сравнительным жизнеописаниям»

Плутарха (которые, напомним, Достоевский настойчиво просил у брата, среди других книг, сразу по выходе из каторги⁵), Кира «как рассказывают, нарекли в честь Солнца, ибо Солнце по-персидски “Кир”» [Плутарх, 1994, т. 2, с. 506]. Солнцем Кира именуют и в христианской экзегезе Ветхого завета⁶. То есть он — один из тех, в ряд с кем (ряд, предвещающий Христа и следующий за Христом, конечно: одним из прообразов Христа в христианской экзегезе был Кир, освободивший евреев из вавилонского пленения, которое так же в экзегезе становилось образом пленения и порабощения человека на нерайской, подверженной тлению земле, земле изгнания, как и пленение египетское) приглашает встать Раскольникову Порфирий Петрович своими словами: «Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего надо быть солнцем» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 352].

Современные комментаторы Плутарха называют произведение имени Кира от Солнца «народной персидской этимологией» — но

⁵ Например, в письме от 27 марта 1854 года Достоевский пишет: «А теперь попрошу у тебя книг. Пришли мне, брат. Журналов не надо; а пришли мне европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних (Геродота, Фукидита, Тацита, Плиния, Флавия, *Плутарха* и Диодора и т. д. Они все переведены по-французски). Наконец, Коран и немецкий лексикон. Конечно, не всё вдруг, а что только можешь. Пришли мне тоже физику Писарева и *какую-нибудь физиологию* (хоть на французском, если на русском дорого). Издания выбирай дешевлешие и компактные. Не всё вдруг, помаленьку. Я и за малое поклонюсь тебе. Пойми, как нужна мне эта духовная пища!» [Достоевский, 1972–1990, т. 28, с. 179].

⁶ См, например: «Как утреннюю звезду и за нею лучезарное солнце Господь выводит с востока всякий раз в свое время, так и царя Кира, это новое солнце Востока, Господь **восставит** — возведет на престол в свое время; и **он будет с правдою царь** — его деятельность, руководимая Богом (ст. 1), будет разрушать рабство и насилие и водворять свободу и мир между народами, угнетенными неправдой жестоких завоевателей. При этом, его главным делом будет — создать храм истинного Бога, точнее — дать право и средство восстановить храм из развалин в Иерусалиме; а для этого он даст право **пленению**, т.е. обществу пленных, возвратиться в свое отечество — в Палестину из Халдеи; и такую свободу он даст **не за мзду** — не за выкуп, который обыкновенно вносили за пленных, и не за дары, ради чего иногда возвращали рабов обратно их прежним господам, нет — сама свобода эта будет даром Кира истинному Богу, его покровителю (гл. 55:1, 11–13). Так говорит Иегова Саваоф — Бог воинств. И слово Его исполнилось. Киру действительно было присуще сознание, что он имеет особое назначение для исполнения Верховной Воли. Он сам говорил: “послушайте меня и сделайтеесь людьми свободными. Мне кажется, что я к этому божеской судьбой рожден, чтобы подать в руки вам это счастье” (Геродот. Кн. I, гл. 117). Такое сознание ставило Кира очень близко к пророчеству о его назначении. И вот почему он, когда узнал из божественных пророчеств (через Даниила) о воле Божией и своем назначении, то, ни мало не колеблясь, исполнил волю Божию о возвращении народа из плена и построении храма в Иерусалиме» [Троицкий, 1889, с. 453–454].

для нас важно то, как это имя опознавалось в веках, благодаря Плутарху — а не то, как считают, что «было на самом деле», современные этимологи, поскольку Достоевский (и европейская культура веками) ориентировались именно на Плутарха, а не на новейшие лингвистические исследования (этого, к сожалению (то есть — невозможности ориентироваться на новейшие лингвистические исследования, поскольку сам автор ориентировался на иное), часто не учитывают исследователи, анализирующие значения имен у Достоевского).

Скажу заодно, в диалоге с истолковывающими фразу Порфирия исследователями, что одним из самых запомнившихся античным историкам (Ксенофонт, Квинтиллиан, Плиний Старший) свойством Кира Великого была способность *знать своих солдат по именам*⁷. Эту способность культивировал в себе и Наполеон⁸. Но очевидно, конечно, что эта способность — отблеск способности Христа знать каждого не только по имени, но и по тайному **новому** имени (которое каждому будет вручено в конце времен как белый камень (Откр. 2:17)) — имени, отражающему самое существо личности.

⁷ «После этого все отправились по своим палаткам, и, расходясь, делились друг с другом впечатлениями о том, как безошибочно при распределении поручений Кир называл по имени всех, кому отдавал приказания. А Кир поступал так совершенно намеренно, ибо ему казалось весьма странным, если ремесленники будут знать — каждый в своей отрасли — названия орудий труда, и врач — названия всех инструментов и лекарств, которыми он пользуется, а полководец окажется столь глупым, что не будет знать имена своих командиров, которыми ему приходится пользоваться как своего рода инструментами, хочет ли он что-либо захватить, или охранить, или ободрить людей, или напугать их. Равным образом, когда ему хотелось кого-либо отличить, ему казалось наиболее правильным обращаться к такому человеку по имени. По его мнению, уверенность воинов в том, что они известны своему полководцу, заставляет их чаще искать случая отличиться у него на глазах и побуждает с большим рвением избегать позорных поступков. Он считал также совершенно нелепым, если полководец, желая дать какое-либо распоряжение, будет приказывать так, как это делают у себя дома некоторые из господ: “Пусть кто-нибудь сходит за водой” или “Пусть кто-нибудь нарубит дров”. По его убеждению, при таких приказаниях все только смотрят друг на друга, но никто не берется выполнять распоряжение, все виновны, но никто не стыдится и не боится из-за того, что каждый одинаково виновен вместе со многими. Вот по этим-то причинам он и называл по имени всех, кому отдавал какое-либо приказание». [Ксенофонт, 1976, с. 120–121].

⁸ Например, Н.А. Троицкий пишет об этом следующее: «Численность гвардии в первые же годы империи составляла 50 тыс. человек, а в 1813 г. — 92 тыс. Наполеон знал чуть ли не каждого из них в лицо, многих — по именам, шутливо называл их “ворчунами” (за их привычку открыто высказываться по любому случаю), а они его, со времен Лоди и Арколе, — “маленьким капралом”» [Троицкий, 2020, с. 115].

***

Закончив с *лицом*, переходим к *книге*.

Книга, прочитанная Соней уже самостоятельно и завершившая ее *просвещение*, — это «Физиология обыденной жизни» Джорджа Генри Льюиса (в переводе Я.А. Борзенкова и С.А. Рачинского), принесенная ей Лебезятниковым.

Если знакомство с историей Кира Персидского довольно очевидно было вестью Соне о том, что и для нее открыт исход из рабства греху других, что и ей уготовано восстановление разрушенного Храма (храма тела ее), а одновременно история Кира должна была стать для нее и противоядием от теории Раскольникова (ибо история Кира, изложенная в Библии, представляет наглядно, что «законодатели и установители» человечества именно тогда, в том и для того преуспевали, когда не разрушали, но восстанавливали, «исполняли» древний и свято чтимый закон — и в конце концов исчезали как пыль (даже торжествуя при жизни), если пытались его нарушить), — то и «Физиология» Льюиса, упомянутая в тексте *наравне* с Киrom Персидским, поставленная с ним в один ряд и выделенная вместе с ним из ряда того *неупомянутого*, что еще вошло в кругозор Сони, ставшая *омегой* для *альфы*, обозначенной фигурой Кира Персидского, должна оказаться сюжетно и философски значимой для героини.

К значению «Физиологии» Льюиса для мировоззрения героини мы сейчас и перейдем (я работаю, естественно, с тем переводом, изданным впервые в 1861 году, который мог быть в руках у героини, и последнее переиздание которого вышло в 1867 году, и было «печатано с издания 1864» года, как указано на обороте титула).

Поскольку значительное большинство исследователей, в том числе, рассуждавших о значении этой книги в романе, не было знакомо, по всей видимости, даже с ее приблизительным содержанием, а в лучшем случае ориентировалось на рецензии, вышедшие на ее русский перевод вскоре после публикации (и в этом смысле характерен В.Я. Кирпотин, предполагавший, что Лебезятников приносит «Физиологию» Льюиса Соне, чтобы потом «воспользоваться» распропагандированной Сонечкой» [Кирпотин, 1978, с. 252]⁹), в конце статьи, в приложении, я помещу ее оглавление, в котором

⁹ Это же можно сказать и о сравнительно недавней статье Светланы Вениаминовны Березкиной, подробно и обстоятельно описавшей книгу извне (ее издания и переиздания и отклики на нее), но, насколько можно судить, так и не заглянувшей внутрь [Березкина, 2013].

зафиксированы и некоторые главные положения, на которых основывается в своем труде Льюис. Я очень надеюсь, что даже такое самое первоначальное знакомство поможет ввести книгу в круг интересов исследователей, изучающих глубинную философию «Преступления и наказания».

Полагаю, что даже из этого оглавления будет очевидно, что книга Льюиса — не то, что мы о ней думали, основываясь на комментариях к роману. И прежде всего — это гораздо более философическое произведение, то есть — способное точным и обстоятельным изложением множества научных (зафиксированных на тот момент) фактов порождать глубокие мысли и глубокие аналогии.

Так, например, главная глубинная мысль, основа жизненной и трансформационной стратегии Сони: «Мы одно, заодно живем» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 244], взятая героиней из просвещенного Евангелием собственного сердца, подкреплена была, очевидно, чтением «Физиологии» Льюиса.

В романе ей противостоит идеология Лужина, утверждающая принципиальную человеческую отдельность, а идею делиться низводящая до нелепого видения всех, оставшихся с половинами разорванного кафтана, в то время как гораздо рациональнее беречь и наращивать свой кафтан, тем самым увеличивая общее благосостояние общества [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 116].

Идея Лужина действительно выглядит на первый взгляд гораздо более рациональной.

Однако если мы учтем распространенную и на тот момент тоже идею восприятия человеческого общества как единого организма (а эта идея с очевидностью лежит и в основе рассуждений Лужина, обосновывающего свою *научную* стратегию целого кафтана именно конечной выгодой общества: «Наука же говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо всё на свете на личном интересе основано. Возлюбишь одного себя, то и дела свои обделаешь как следует, и кафтан твой останется цел. Экономическая же правда прибавляет, что чем более в обществе устроенных частных дел и, так сказать, целых кафтанов, тем более для него твердых оснований и тем более устраивается в нем и общее дело» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 116]), то мы увидим, что чтение Льюиса¹⁰ мощно подкрепляет позицию Сони, а вовсе не Лужина.

---

10 Джордж Генри Льюис (18 апреля 1817 — 30 ноября 1878) не был ученым-физиологом, он был философом, вдумчивым и глубоким популяризатором науки,

Льюис практически начинает свое сочинение со следующей декларации: «До времен Бишá, которого можно считать основанием разумной анатомии, человеческое тело рассматривали как совокупность разных частей или органов — исчислением этих частей ограничивалось описание тела. Бишá пролил новый свет на науку, показав, что самые сложные органы сложены из разнородных тканей или анатомических элементов, из которых каждый сохраняет свои отличительные свойства, в какой бы части тела мы его не нашли. Так, сердце, например, есть орган, состоящий из мышечной ткани, из ткани соединительной, из ткани нервной и из ткани жировой — и каждая из этих тканей сердца одарена теми же свойствами, которыми она отличается и в других органах, — точно так же, как разнообразные вещества, из которых строится корабль — дерево, пакля, медь, железо, деготь — сохраняют свои отличительные признаки, будь из дерева сделан руль, палуба или мачта, из железа — якорь, гвоздь или цепь. Ткани составляют элементарные части животного организма, и их изучению посвящена отдельная ветвь науки, именуемая Гистологиею или Общю Анатомиею. Организм составлен из органов, а органы из тканей» [Льюис, 1867, с. 3].

Льюис утверждает, что мы состоим не из органов, а из тканей, открывая тем самым новый уровень целостности, скрывающийся за видимой обособленностью, разделенностью и предполагаемой возможностью автономии интересов — и голод, как он подробно показывает далее, уничтожает не органы (отдельно от других органов) — а соответствующие ткани **во всех органах**. Как бы единый «кафтан» или несколько единых «кафтанов» простирается сквозь все по видимости отдельные органы тела — и невозможно сохранить (или даже нарастить, отрезая от соседей) свой «кафтан», если уничтожается «кафтан» соседа: ибо однородная ткань почти одновременно

писателем, историком, литературным и театральным критиком. В России было переведено еще при его жизни множество его сочинений, касающихся античной и современной философии, психологии, его исследование жизни и творчества Гете. Так что аналогии между организмом и обществом были ему вполне сродны. В обзоре конференции, на которой мной был сделан один из докладов, посвященных присутствию «Физиологии обыденной жизни» в «Преступлении и наказании», Н.Н. Подосокорский написал: «Использование Касаткиной принципов льюисовской физиологии для объяснения принципов социального взаимодействия в наполеоновской теории Раскольникова очень созвучно приемам самого Льюиса историка: в своей “Жизни Робеспьера” (1849) он, в частности, писал со ссылкой на Альфонса де Ламартина, что Максимильтен Робеспьер вскрыл вены социального организма, чтобы вылечить его болезнь, но тем самым он лишь содействовал вытеканию из него всякой жизни» (см.: [Подосокорский, 2023а, с. 318]).

уничтожается во всех органах. Важно здесь слово «почти» — с точки зрения органа (тела или человечества) это «почти» может оказаться достаточно продолжительным, так что он не вдруг свяжет разрушение ткани у себя с последовательным разрушением ткани во всех органах и будет думать об этих двух точках не как о связанных, но как о случайно совпавших.

Таким образом, Сонино ощущение единства, которое не разрушается видимыми границами (Соня понимает, что изолированность людей — как и изолированность органов — в значительной мере иллюзия), единства более глубокого уровня оказывается **физиологически** более обоснованным, чем логика разделения Лужина.

Почему я говорю о «кафтанах», а не о материалах для них, например? Дело в том, что по Льюису, организм отличается от механизма тем, что питается не поступающей в него пищей, а уже сформировавшимися собственными тканями организма. Наблюдение очевидно имеющее метафизическое измерение для Достоевского (человек в человечестве может питаться только тем, что уже переработано в человека), и он уже в следующем романе предоставит героям подробно обсуждать проблему людоедства, которая всегда находится в метафизическом притяжении к проблеме причастия. Льюис не зря начинает свое сочинение (как и Достоевский свой роман) с описания голода: человек в своем нынешнем состоянии вынужден скармливать себе в целях своего выживания себе подобных, что, как уже было сказано, приводит к несколько отложенным истощению и смерти и его самого — если только он не принимает пищу с высшего уровня, приходящую в мир и в тело человечества из-за пределов замкнутого организма мироздания; пищу, преремняющую всю схему питания этого общего тела, делающую из людей, пытающихся урвать себе кусок из тела соседа, богов, стремящихся накормить собой. Интересно в этом смысле, что Достоевский дважды употребит в романе выражение «заедает жизнь» — и в одном случае это будет внятнм для Раскольникова аргументом в пользу того, что нужно уничтожить Алену Ивановну: «<...> что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна. Она **чужую жизнь заедает**: она намереди Лизавете палец со зла **укусила**; чуть-чуть не отрезали!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 54]. Здесь особенно интересно, что автор выводит идиому «заедать жизнь» из метафорического восприятия следующей за ней

репликой, в которой Алена Ивановна практически откусывает палец своей сестре. А в следующем употреблении это выражение уже отнесено к самому Раскольникову, не желающему еще принять вольную жертву Сони, до ненависти к ней — но чувствующему, что это почему-то **необходимо**: «Зачем ходил он к ней просить ее слез? Зачем ему так **необходимо заедать** ее жизнь? О, подлость!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 326]. Человек может питаться только человеком: но это может быть зверским пожиранием и уничтожением того, кто выбран в жертву моему выживанию, а может быть взаимным кормлением друг друга на пути к обожению, когда вольная жертва растит и питает жертвующего еще в большей степени, чем того, кто принимает жертву и только учится отдавать сам.

Еще один небольшой пример того, как знакомство с Льюисом укрепляет (а вовсе не растлевает) человечность Сони. Льюис много говорит об индивидуальном и субъективном преобразовании телом питательных веществ. Что здорово одному — губительно другому. «Необходимо сосредоточивать наше внимание на **питающемся организме** более, чем на **химическом составе веществ**, питающих его» — утверждает Льюис [Льюис, 1867, с. 45]. А далее, начиная рассуждать об употреблении алкоголя, Льюис неоднократно повторит: алкоголь — это пища, «алкоголь **заменяет** известное количество пищи» [Льюис, 1867, с. 106]; «Все известно, как мало едят пьяницы: алкоголь заменяет им значительное количество пищи» [Льюис, 1867, с. 106].

Так что Соня может смотреть на отца не только с глубоким сожалением, но и с сочувствием, вызванным осознанием того, что: 1) алкоголь — пища, выбранная в определенный момент его организмом, потребность и необходимость для него; 2) алкоголь на каком-то этапе стал заменой пищи, отданной нуждающемуся семейству.

Соня понимает, что Мармеладов — тоже существо, изначально, как и она сама, пошедшее в рабство греху для облегчения ближних, но, **внав** в рабство греху, ставшее в конце концов вором и супостатом для этих же ближних. Ольга Деханова в своей статье отмечает и с цифрами показывает, что пить никогда не было дешевле, чем есть, что совершенно верно и из ее выкладок совершенно очевидно [Деханова, 2023]. Однако мармеладовское самопожертвование строится не на расчете — а на отказе и срыве: я все (и всю еду) отдаю вам,

не ем, не живу своей жизнью — и в конце концов срываюсь и пью, чтобы чуть компенсировать себе разом и еду, и пропущенную жизнь.

Напомню, как Мармеладов рассказывает историю своего сватовства к Катерине Ивановне: «И осталась она после него с тремя малолетними детьми в уезде далеком и зверском, где и я тогда находился, и осталась в такой нищете безнадежной, что я хотя и много видал приключений различных, но даже и описать не в состоянии. Родные же все отказались. Да и горда была, чересчур горда... И тогда-то, милостивый государь, тогда я, тоже вдовец, и от первой жены четырнадцатилетнюю дочь имея, **руку свою предложил¹¹, ибо не мог смотреть на такое страдание.** Можете судить потому, до какой степени ее бедствия доходили, что она, образованная и воспитанная и фамилии известной, за меня согласилась пойти! Но пошла! Плача и рыдая, и руки ломая — пошла! Ибо некуда было идти. Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти? Нет! Этого вы еще не понимаете... И целый год я обязанность свою исполнял благочестиво и свято и не касался сего (он ткнул пальцем на полуштоф), ибо чувство имею. Но и сим не мог угодить; а тут места лишился, и тоже не по вине, а по изменению в штатах, и тогда прикоснулся!..» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 16].

Соня, таким образом, не смотрит на своего отца, как на победителя в его жертвенности — но она смотрит на него, как на желавшего жертвовать — и попавшего в плен своему несоразмерному (не по его силам) усилию.

Итак, мы можем видеть, что «Физиология» Льюиса оказывается вовсе не «растлевающей» книгой для Сони, но поддерживающей и питающей положительным знанием ее глубокое и мощное нравственное чувство.

Таким образом, даже если справедливо было бы сказать, что сам Льюис пытается удержать Бога и тайну мироздания в природе и природном (а справедливость такого суждения, на мой взгляд, совсем не очевидна в отношении человека, неизменно руководствующегося принципом: высшее не может быть объяснено низшим, не может быть сведено к нему (см., например [Льюис, 1867, с. 45 и далее], где Льюис говорит о невозможности объяснения физиологических процессов химическими) — то Достоевский и его героиня легко пре-

¹¹ Здесь в предложении руки тоже на заднем плане присутствует смысл отдавания своего члена не для поддержки только, но для питания страждущего.

одолевают положенный Льюисом предел, находя в его рассуждениях подкрепление и подтверждение своим представлениям об истинной природе человечества и на самом низшем из возможных уровней.

Опора на внимательно прочитанную «Физиологию» Льюиса не только сближает сам принцип видения Сони с авторским, но и дает ей возможность внутри романа устойчиво противостоять теории Раскольникову, апеллирующего не к Божественному закону — но к закону природы: «Что же касается до моего деления людей на обыкновенных и необыкновенных, то я согласен, что оно несколько произвольно, но ведь я же на точных цифрах и не настаиваю. Я только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что люди, **по закону природы**, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 200].

Здесь утверждается, что высшие или «собственно люди», согласно Раскольникову — это имеющие право отбирать в свою пользу, **для осуществления своей высшести**, все вплоть до жизни у «материала».

Излагаемые Льюисом законы природы, при первом бросающемся в глаза сходстве, радикально отличаются от «закона природы» в том виде, как его представляет себе начинающий юрист, поверхностно усвоивший новое направление своей науки, все более основывающейся в это время на идее человеческой отдельности, изолированности человеческих единиц и противоположности, противостоянию их интересов, на конкурентности (в романе это направление, как уже было сказано, описано другим учившимся на медные деньги юристом — Лужиным, все равно в конце пытающимся объяснить, что такое приобретение благ только для себя все же окажется полезным обществу в целом — так же как благом целого человечества обосновывает Раскольников и необходимость жертвовать «материалом», чтобы «собственно люди» могли беспрепятственно осуществлять движение человечества).

Вот вывод Льюиса, помещенный в конце Физиологии: «Каждая клеточка в организме независима: она зарождается, она растет, она размножается, она умирает, подобно одноклеточному растению или животному. Рост и смерть органа подобны росту и смерти народа, или дерева: отдельные клеточки, составляющие орган, растут и по-

гибают, как растут и погибают отдельные лица, отдельные листы. Тут есть некоторое общее единство; но оно слагается из отдельных единиц. Точно так же, как жизнь народа или дерева есть итог жизней всех его особных частей, так и жизнь организма есть итог жизней его отдельных клеточек.

Это — одно из великих откровений современной науки. Мы не толкуем более о центре жизненной деятельности, потому что знаем, что существуют мириады таких центров. Поэтому мы не удивляемся более, узнавая, что часть органа может быть разрушена без прекращения отправления этого органа; это такое же явление, как продолжение борьбы со стороны полка, в котором много убитых. Если вожди падут, то полк рассыплется и каждому рядовому придется управляться по-своему; точно также, когда разрушаются известные управляющие части в механизме органа, отправление этого органа прерывается, и отдельные клеточки предоставляют самим себе. Так у человека может быть нарыв в печени, не препятствующий остальным здоровым частям этого органа отделять желчь, и наливать ее через желчный проток; но нарыв в желчном протоке препятствовал бы отправлениям печени, хотя он остался бы без влияния на способность печеночных клеточек отделять желчь. Человек с половиною легкого продолжает дышать посредством этой сохранившейся половины: он дышит не так сильно в то время, когда его легкие были целы; количество кислорода, которое он может вдыхать, разумеется, будет уменьшено сообразно уменьшению в количестве легочных пузырьков. Но пока остаются лёгочные пузырьки, и действует дыхательный механизм, будет продолжаться и отправление дыхания. Всякий, приступающий к изучению физиологии, хорошо сделает, если, приучится отличать жизнь частей от жизни целого, и отличать явления, зависящие от отдельных частей, от тех, которые основаны на их взаимодействии — другими словами, на жизненных формах, и на их механизме» [Льюис, 1867, с. 662–663].

Казалось бы, главный факт, возглашаемый Льюисом как откровение современной науки — это факт о множественности жизненных центров, об отдельности того, что по прежнему мнению составляло одно целое, обладавшее единым жизненным центром. Но Достоевский всегда настаивал на том, что наука еще даже не начинается с констатации фактов, что наука состоит в умении факты объяснять. В «Преступлении и наказании» об этом говорит Разумихин: «Да ведь

факты не всё; по крайней мере, половина дела в том, как с фактами обращаться умеешь!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 106].

И Достоевский (как и Соня), делает иной вывод из тех же фактов, чем Раскольников. Прямо сравнивая здесь вождей, объединяющих человеческие коллективы, с «управляющими частями» в механизме органа, Льюис показывает, что вожди и законодатели — это максимально *отдающие*, наиболее работающие на осуществление связи и взаимодействия части целого, обеспечивающие саму возможность этого целого на новом уровне. Жизнь же «отдельных клеточек» за счет собственного жизненного центра и собственного внутреннего закона есть ничто иное как начавшийся процесс разложения высшего организма, его распада, при котором то, для чего и существуют эти отдельные клеточки, сам модус их бытия становится ненужным и служит лишь для скорейшей их гибели. В сущности, мы видим в этом пассаже Льюиса источник и разъяснение последнего сна пробуждающегося к истинному видению Раскольникова; сна, в котором описывается разложение человечества, утратившего единый высший закон, распавшегося на «отдельные жизненные центры», которые свой внутренний закон (вполне адекватно описывающий их бытие и его цель в составе целого) стремятся навязать каждому другому и всему целому как внезапно открывшуюся им несомненную, физически осязаемую жизненную правду и выведенную оттуда единственную истину: так как если бы клетка печени возглашала выделение желчи единственной правдой и истинным законом для всякой клетки организма.

Достоевский переворачивает аналогию: не каждая клеточка организма отдельна по аналогии с отдельным человеком — но человечество едино, несмотря на иллюзию отдельности, усмотренной наукой ныне не только в каждом человеке, но и в каждой клетке человеческого организма.

Достоевский, сразу по выходе из каторги просивший прислать ему «какую-нибудь физиологию», искал и отыскивал в законах жизни природного организма закон существования иных, высших единств, закон жизни человечества. И один из осмысливаемых им физиологических законов в «Преступлении и наказании» — это закон крови, который он выводит за пределы «клеточки»-человека в пространство организма-человечества. Этот закон во многом объясняет странные «кровавые» сцены романа, прежде всего — два очевидно

противоположных состояния Раскольникова после убийства старухи и после смерти Мармеладова. В обоих случаях он оказывается залит кровью другого — и это производит прямо противоположное действие. Сразу после убийства Раскольникова посещает видение избиения хозяйки Порохом. И Настасья объясняет происшедшее тем, что кровь Раскольникова «запекается печенками»: «А это кровь в тебе кричит. Это когда ей выходу нет и уж печенками запекаться начнет, тут и начнет мерещиться...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 92]. Настасья здесь странным образом утверждает, что кровь в организме героя **сворачивается** — так же, как запекается и сворачивается на воздухе вытекшая из сосудов кровь — то есть так же, как свернулась вытекшая, замочившая его кровь его жертвы.

Эта свернувшаяся сразу после убийства и ввергшая героя в беспамятство кровь, после относительного выздоровления героя, начинает вести себя в соответствии с тем, что Льюис описывает как присутствие в крови угольной кислоты в концентрациях, превышающих обычную — то есть так, как будто артериальная кровь Раскольникова приобретает свойства венозной.

Льюис пишет: «<...> если артериальная кровь содержит в себе угольной кислоты больше обыкновенного, то возбуждение берет перевес над процессами, пополняющими убыли организма. Это объясняет, почему присутствие в испорченной атмосфере театра, бальной залы, или аудитории причиняет умственное раздражение, сопровождаемое усталостью», за которой может последовать дрожь в мышцах и обморок [Льюис, 1867, с. 209]. Это состояние: крайнее возбуждение, быстро сменяющееся сильным истощением, характерно для двух героев романа — кроме Раскольникова так же описывается Катерина Ивановна, недостаток кислорода в крови которой связан с разрушением легких при чахотке. Но если состояние Катерины Ивановны прямо объясняется физиологически состоянием ее внутренних органов, то состояние Раскольникова оказывается связано с не обновляющейся более кровью его жертвы. Собственно, странные советы от Свидригайлова и Порфирия: «Вам бы воздуху, воздуху, воздуху»¹², — указывают именно на этот недостаток кислорода в крови, все более неизбежно нарастающий с момента убийства.

¹² Вот Свидригайлов: «Эх, Родион Романыч, — прибавил он вдруг, — всем человекам надобно воздуху, воздуху, воздуху-с... Прежде всего!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 336]. А это Порфирий Петрович: «Вам теперь только воздуху надо, воздуху, воздуху!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 351].

Однако после переноса сбитого лошадьми Мармеладова, Раскольников, залитый его кровью, внезапно ощущает могучий прилив сил. Он отвечает на замечание Никодима Фомича: «Да, замочился... я весь в крови! — проговорил с каким-то особенным видом Раскольников, затем улыбнулся, кивнул головой и пошел вниз по лестнице. Он сходил тихо, не торопясь, весь в лихорадке и, не сознавая того, полный одного, нового, необъятного ощущения вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни. Это ощущение могло походить на ощущение приговоренного к смертной казни, которому вдруг и неожиданно объявляют прощение» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 145–146].

«Довольно! — произнес он решительно и торжественно, — прочь миражи, прочь напускные страхи, прочь привидения!.. Есть жизнь! Разве я сейчас не жил? Не умерла еще моя жизнь вместе с старою старухой! Царство ей небесное и — довольно, матушка, пора на покой! Царство рассудка и света теперь и... и воли, и силы... и посмотрим теперь! Померяемся теперь! — прибавил он заносчиво, как бы обращаясь к какой-то темной силе и вызывая ее. — А ведь я уже соглашался жить на аршине пространства! ...Слаб я очень в эту минуту, **но... кажется, вся болезнь прошла.** Я и знал, что пройдет, когда вышел давеча. Кстати: дом Починкова, это два шага. Уж непременно к Разумихину, хоть бы и не два шага... пусть выиграет заклад!.. Пусть и он потешится, — ничего, пусть!.. Сила, сила нужна: без силы ничего не возьмешь; а силу надо добывать силой же, вот этого-то они и не знают”, — прибавил он гордо и самоуверенно и пошел, едва переводя ноги, с моста. Гордость и самоуверенность нарастали в нем каждую минуту; уже в следующую минуту это становился не тот человек, что был в предыдущую. Что же, однако, случилось такого особенного, что так перевернуло его? Да он и сам не знал; ему, как хватавшемуся за соломинку, вдруг показалось, что и ему “можно жить, что есть еще жизнь, что не умерла его жизнь вместе с старою старухой”. Может быть, он слишком поспешил заключением, но он об этом не думал» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 147].

Достоевским здесь, в сущности, описывается эффект, который бы произошел от внезапного очищения крови, мощного притока артериальной крови. Но такой приток, если очищение производится внешним образом, обладает, согласно Льюису, весьма кратковременным действием. Он пишет: «Предположим, даже, что мы в состоянии “очистить кровь” больного, — он от этого ничего не выиграет отно-

сительно своего выздоровления. Болезнь, от которой он страдает, не в крови, а в тканях; а когда ткани находятся в болезненном состоянии, то доставлять им более чистую кровь ни к чему не поведет, потому что, хотя материалы для своего питания они и получают из крови, однако же они могут заимствовать из нее только то, что позволяет им извлечь то состояние, в котором они находятся» [Льюис, 1867, с. 175].

И мы видим в вышеприведенных цитатах, как ощущение прихлынувшей жизни быстро отравляется в Раскольникове его возобновившимся рассуждением в прежнем духе его теории.

Таким образом, «Физиология» становится мощным объяснительным текстом для темных мест «Преступления и наказания», каким, очевидно, является любая книга, специально упомянутая в произведении Достоевского. Также описание крови у Льюиса прямо корреспондирует с описанием и функцией денег в организме человечества, что является одной из важных идей «Преступления и наказания» и будет впрямую проговорено в «Подростке», но рассмотрение этого аспекта уже находится за пределами настоящей статьи.

Скажу в завершение о просто любопытном соотнесении некоторых курьезных идей «Физиологии» с глубинной проблематикой «Преступления и наказания». Льюис, сообщая о том, что железо, находящееся в крови, может быть из нее выделено, хоть и в очень небольших количествах, пишет далее: «Профессор Берар обыкновенно показывал у себя на лекциях кусочек такого железа, что внушило одному гениальному французу идею, что медали в честь великих людей следовало бы чеканить из металла, извлеченного из их крови!» [Льюис, 1867, с. 177].

Укажу и на еще одно практически прямое заимствование, указывающее на то, что осмысление и использование «Физиологии» Льюиса Достоевским не завершилось с окончанием «Преступления и наказания», — и еще раз наглядно демонстрирующее, что Достоевский практически всегда не заимствует, а переосмысляет, даже в том случае, когда он несомненно опирается на «прецедентный» текст.

Льюис пишет: «И потому что во сне, как и в мечтаниях, мы не останавливаемся на известных представлениях, не обдумываем их, не возвращаемся к ним, но даем им быстро сменяться и ускользать от нас, как волны на nive, мы и не обращаем внимания на их бес-связность. Часто говорят, будто во сне ничто нас не удивляет. Но

это выражение кажется мне неточным. Ничто не останавливает на себе нашего внимания; но всякая несообразность удивляет нас, по крайней мере настолько же, как и во время мечтаний. Я по крайней мере, постоянно испытываю это. Если я вижу во сне, что я нахожусь в известном месте и говорю с известным лицом, и если это место вдруг превращается в другое и мой собеседник принимает новый вид, я при этом ощущаю легкое удивление; но сон мой не останавливается; я мирюсь с новыми фактами, и продолжаю свои грёзы уже под их влиянием, точно так же, как в мечтаниях, мысль мгновенно перелетает из Лондона в Индию, и лица исчезают, уступая место другим лицам, не прерывая притом развертывающейся в нашей голове истории» [Льюис, 1867, с. 622].

Легко опознать в этих строках рассуждение о снах в «Идиоте», предшествующее чтению князем писем Настасьи Филипповны к Аглае. Но, как всегда, это сходство оборачивается осмыслением иного уровня, полемикой, почти противопоставлением.

Посмотрим на текст Достоевского.

«Эти письма тоже походили на сон. Иногда снятся странные сны, невозможные и неестественные; пробудясь, вы припоминаете их ясно и удивляетесь странному факту: вы помните прежде всего, что разум не оставлял вас во всё продолжение вашего сновидения; вспоминаете даже, что вы действовали чрезвычайно хитро и логично во всё это долгое, долгое время, когда вас окружали убийцы, когда они с вами хитрили, скрывали свое намерение, обращались с вами дружески, тогда как у них уже было наготове оружие и они лишь ждали какого-то знака; вы вспоминаете, как хитро вы их наконец обманули, спрятались от них; потом вы догадались, что они наизусть знают весь ваш обман и не показывают вам только вида, что знают, где вы спрятались; но вы схитрили и обманули их опять, всё это вы припоминаете ясно. Но почему же в то же самое время разум ваш мог помириться с такими очевидными нелепостями и невозможностями, которыми, между прочим, был сплошь наполнен ваш сон? Один из ваших убийц в ваших глазах обратился в женщину, а из женщины в маленького, хитрого, гадкого карлика, — и вы всё это допустили тотчас же, как совершившийся факт, почти без малейшего недоумения, и именно в то самое время, когда, с другой стороны, ваш разум был в сильнейшем напряжении, выказывал чрезвычайную силу, хитрость, догадку, логику? Почему тоже, пробудясь от сна и совершенно уже войдя в действительность, вы чувствуете почти каждый

раз, а иногда с необыкновенною силой впечатления, что вы оставляете вместе со сном что-то для вас неразгаданное? Вы усмехаетесь нелепости вашего сна и чувствуете в то же время, что в сплетении этих нелепостей заключается какая-то мысль, но мысль уже действительная, нечто принадлежащее к вашей настоящей жизни, нечто существующее и всегда существовавшее в вашем сердце; вам как будто было сказано вашим сном что-то новое, пророческое, ожидаемое вами; впечатление ваше сильно, оно радостное или мучительное, но в чем оно заключается и что было сказано вам — всего этого вы не можете ни понять, ни припомнить. Почти то же было и после этих писем» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 377–378].

Льюис описывает *падение внимания* во сне, приводящее к тому, что несоответствующие устойчивой картине мира, представлениям о возможном и невозможном вещи и события после легкого удивления вписываются в эту картину и человек продолжает свое сновидение уже в новых параметрах без большого сопротивления. Льюис описывает, в сущности, состояние, вполне аналогичное бодрствованию, в котором постепенно происходит смена общих представлений о мире и человеке, причем смена эта в индивидууме, сконцентрированном на своих насущных заботах, не вызывает особого сопротивления, находясь на периферии его внимания. Человек легко принимает такие перемены и начинает попросту действовать в других параметрах внутри своей повседневности просто в силу своего постоянного пребывания в полусне, в состоянии пониженного внимания относительно именно базовых параметров своего мира.

Достоевский, напротив, описывает сильнейшую концентрацию внимания и необыкновенное напряжение, подъем способностей разума во сне (аналогичные тому, что происходит в минуту перед припадком с князем Мышкиным), и при этом (и вследствие этого, если мы увидим это соответствие с состоянием князя перед припадком) — легкость принятия новых параметров мира, нелепых и невозможных наяву, но которые, *в своей нелепости именно* и несут весть о чем-то уже действительном, принадлежащим к *настоящей* жизни, о чем-то существующем и всегда существовавшим в вашем сердце; говорящим вам сном что-то новое, пророческое, *ожидаемое вами*. Заметим, что, если Льюис говорит о перемене места и смене облика, то Достоевский говорит о пресуществлении одного существа в другое, о пластичности форм мира, о связности всего со всем — а это

именно то состояние, которое открывается князю в высшую минуту соприкосновения с «самым высшим синтезом жизни».

Приложение

Читатель часто склонен, особо не вдумываясь, принимать как безотносительную истину слова автора (или персонажа) о малой или поверхностной образованности героя. Так девятиклассник, не знающий ни французского, ни латыни, не читавший ни историков, ни философов, ни экономистов, ни греческих поэтов, легко говорит о поверхностном образовании Евгения Онегина. То есть мы можем видеть, что такое суждение, скорее всего, справедливо в сравнении с автором (или персонажем), но совсем не всегда справедливо в сравнении с читателем. Мне кажется важным предъяснить хотя бы развернутое оглавление книги Льюиса, которую (среди прочих) прочла и интересные места из которой сообщала своим родным Соня, чтобы читатель мог скорректировать свои представления о круге ее интересов и степени ее просвещенности.

Оглавление «Физиологии обыденной жизни» Г.Г. Льюиса.

Перевод с английского профессором Московского университета Я.А. Борзенкова и С.А. Рачинского. Издание четвертое, исправленное, с полнотипажамми. Москва. Издание книгопродавца А.И. Глазунова. 1867. Печатано с издания 1864.

Глава 1. Голод и жажда.

Побуждения к деятельности. — Причины голода: разрушение и возобновление тела. — Периодичность голода. — Сравнение организма с паровой машиною неточно. — Кровь умирающих с голоду. — Голодная смерть. — Случаи долгого поста у животных. — Баснословные рассказы о долгом посте у людей. — Признаки голодной смерти. — Части тела, прежде всех исчезающие при голодной смерти. — Бессонница умирающих с голоду. — Муки голодной смерти. — Ощущение голода и его причина. — Голод как общее и как местное ощущение. — Жажда как ощущение. — Причины жажды. — Необходимость воды в организме и следствия ее недостатка. — Жажда как пытка. — История калькуттской черной пещеры. — Как утолять жажду. — Питье животных. — Действие жажды.

Глава 2. Пища и питье.

Отделение 1. — Сущность пищи.

Разнообразие пищи. — Народы едящие глину. — Химический и физиологический способы исследования. — «Что для одного человека пища, то для другого яд» — Предостережение родителям. — Здоровая и нездоровая пища. — Отношение пищи к организму. — Жизненные процессы не могут быть объяснены химически. — Различие между химией и физиологией. — Основное положение философии. — Химические задачи количественны, физиологические качественные. — Либиховское деление пищи на пластическую и дыхательную не может быть принято. — Ошибка Либиха произошла от того, что он смотрел на предмет с химической точки зрения. — Факты против него. — Опыты над животными. — Индусы, питающиеся рисом. — Пища в холодных странах. — Результаты исследований. — Неорганическая пища. — Ошибочно понятое питание растений и животных. — Фосфорно-кислая известь в организме; количество воды в теле, количество соли. — Роль, которую играет соль. — Закон эндосмоса.

Глава 3. Пища и питье. (Продолжение).

Влияние разных условий на вещества — Жизнь нарушает обыкновенный ход химических процессов. — Влияние формы. — Пища с точки зрения химической и физиологической. Кровь как образец пищи. — Молоко. — Белковина. — Фибрин. — Казеин. — Протеиновые вещества. — Клебер. — Студень. — Питателен ли он? Исследование по этому предмету. — Жиры и масла, их перевариваемость при разных условиях. — Крахмал как пища. — Сахар. — Вредит ли сахар зубам? — Алкоголь как пища — Воздержание от спиртных напитков. — Железо как пища. — Кислоты. — Предупреждают ли они цингу? — производит ли уксус худобу?

Глава 4. Пища и питье. (Продолжение).

Мясо. — Вещество, придающее ему вкус, *осмазом*. — Мясо молодых животных. — Отношения между возрастом животных и удобоваримостью их мяса. — Действие варения, жарения, печения. — Германская и французская говядина. — Удобоваримость разных мяс. — Сладкое мясо и потрохи. — Лошадиное мясо как пища: опыты, доказывающие его превосходные качества. — Количество лошадиного мяса, потребляемые в разных странах. — Ослиное

мясо. — Рыба: удобоваримость разных рыб. — Питательное свойство разных рыб. — Имеет ли рыбная пища влияние на плодовитость? — Яйца. — Пироги: вредны ли они? — Овощи. — Вегетарианизм. — Чай, кофе и другие наркотические средства: их парадоксальное действие. — Количество пищи, необходимое человеку. — Индивидуальные различия этого количества. — Неприложимость арифметики к физиологическим вопросам. — Прожорливость некоторых народов. — Возбуждает ли холодный климат особенную потребность в пище? — Рационы, выдаваемые солдатам и нищим.

Глава 5. Пищеварение и его расстройство.

Связь наших душевных настроений с пищеварением. — Чем отличается наука от обыкновенного знания. — Механическое и химическое пищеварение; первое существует только у простейших животных. — Что происходит с пищею во рту? — Химическое действие слюны. — Ее механическое действие. — Механическое действие желудка. — Желудочный сок. — Его состав и образование. — Пепсин и кислота. — Действие желудочного сока на разные вещества. — Он останавливает гниение. — Урок обжорам. — Влияние жиров на пищеварение. — Действие слюны увеличивает количество желудочного сока. — Количество желудочного сока. — Химификация равносильна варению. — Почему желудочный сок не действует на самый желудок. — Кишечное пищеварение. — Желчь, ее количество и состав; как на нее действуют жиры. — Что называют желчностью. — Роль желчи. — Она осредосоливает желудочный сок и способствует всасанию жиров. — Сок поджелудочной железы действует на все вещества. — Кишечные отделения довершают пищеварение. — Свойства млечного сока. — Разнообразные причины желудочного расстройства.

Глава 6. Строение и отправление нашей крови.

Кровь — поток жизни. — Ошибочные мнения о лекарствах, «очищающих» кровь. — Как она обращается в организме. — Волосные сосуды. — Вещества, находящиеся в ней. — Кровяные кружочки, открытие их Мальпиги и Левенгуком. — Исследования Гьюсона. — Величина кровяных кружочков у различных животных. — Бесцветные тельца; аналогия их с Амебой. — Что такое Амеба? — Паразит, живущий в нашей крови. — Развитие кровяных клеточек. — Живет ли кровь? — Свертывание крови

и причины этого явления. — Химический состав крови — Изменения его у различных людей. — Различие между артериальной и венозной кровью. — Газы, находящиеся в крови. — Причина изменения цвета крови. — Чудо кровообращения. — Количество нашей крови. — Кровопускание. — Переливание крови; история попыток производить его; в каких случаях оно может быть употребляемо с успехом. — Кровь не образует органов. — Животворные элементы крови: артериальный питает ткани, венозный возбуждает их. — Кислород как условие питания. — Каким образом кровь питает? — Каждый орган обуславливает питание остального тела. — Отношение между кровообращением и приобщением.

Глава 7. Кровообращение: его история, путь, совершаемый кровью, причины кровообращения.

Открыл ли Гарвей кровообращение? — Путь, совершаемый кровью. — История кровообращения в семнадцатом столетии. — Три заблуждения, уничтоженные Галеном, Везали и Коломбо. — Что оставалось сделать Гарвею? — Открытие заслоночек. — Преувеличение их значения; вены без заслоночек. — Открытие кровообращения. — Прием, сделанный современниками этому открытию. — Недостатки учения Гарвея. — Открытие волосных сосудов; их строение и отправление. — Открытие лимфатических сосудов. — Оппозиция этому открытию со стороны Гарвея. — Заслуги Гарвея. — Причина кровообращения. — Влияние сердца; оно не единственная причина. — Быстрота кровообращения. — Кровообращение без сердца. — Движения сердца: причина их; нервы и нервные узлы сердца. — Сердце продолжает биться после смерти. — Действие артерий. — Кровообращение в волосных сосудах. — Гипотеза Дрепера. — Наблюдения Спалланцани. — Кровообращение и дыхание.

Глава 8. Дыхание и удушение.

Два самоубийства. — Удушение семидесяти двух лиц на пароходе Лондондерри. — История наших знаний о дыхании. — Воздух, которым мы дышим. — Дыхание как животное отправление и как свойство тканей. — Кислород, источник жизни. — Яйца, покрытые лаком, не развиваются; хвост головастика развивается по отделении от тела. — Механизм дыхания у разных животных. — Процесс

дыхания. — Узкие корсеты. — Изменения воздуха при дыхании. Необходимость вентиляции. — Германские трактиры — Как организм привыкает к дурному воздуху. — Ослабление жизненных отправлений от дурного воздуха — Вопрос о дыхании есть задача физиологическая, а не физическая. — Удушение; разные виды его. — Угольная кислота не есть яд. — Окись углерода есть яд — Ее действие на кровь. — Смерть от удушения: посредством газов; посредством воды. — Дыхание не есть процесс окисления. — Равновесие в природе. — Деревья на улицах не улучшают воздуха. — Разновидности животного дыхания. — Дыхание во время сна. — Влияние температуры на дыхание — Отчего мы дышим?

Глава 9. Откуда берется теплота нашего тела и чем она поддерживается.

Животные имеют собственную температуру. — Она зависит от «жизненного начала». — Описание разных инструментов, употребляемых для измерения животной теплоты. — Ошибочность мнения, что существуют животные с теплою и с холодною кровью. — Человек сохраняет свою температуру во всех климатах и во все времена года. — Его способность переносить значительный жар. — Охлаждающий аппарат его организма. — Испарина устраняет излишнюю теплоту. — Разница между ощущением тепла и самою теплотою. — Влияние возраста, пола и пищи на температуру нашего тела. — Молодые животные плохо переносят холод. — Маленьких детей нельзя приучать к холоду. — Греет ли пища? — Влияние времен года. — Влияние холодного ветра. — Почему мы ощущаем холод при восточном ветре? — Когда опасен холод? — Можем ли мы безнаказанно пить холодную воду, когда нам жарко? — Теория животной теплоты. — Дыхание не есть причина животной теплоты. — Теплота трупов. — Отношение между дыханием и животною теплотою у животных разных классов. — Животные, подверженные зимней спячке. — Лягушки и тритоны зимой и летом.

Глава 10. Чувствование и мышление.

Предмет и цель исследования. — Психология и Физиология — две различные науки. — Головной мозг не есть исключительный орган души: два существующие в настоящее время учения. — Что такое нервная сила? — Строение нервной системы. — Представляют ли

собой нервы простые проводники и что они проводят? — Неверность сравнения нервов с проволоками, служащими проводниками гальванической батареи. — Самостоятельная деятельность нервов. — Нервность. — Свойство нерва. — Чувствительность. — Свойство нервного центра. — Различие между свойством и отправлением. — Опровержение предполагаемого различия между нервами чувствительности и нервами движения. — Где находится чувствилище (*sensorium*)? — Мнения старинных писателей; новейшие мнения. — Доказательство того, что чувствительность зависит от гистологического строения, а не от морфологических соотношений и что нервные центры обладают ею. — Чувствительность, ощущение и сознательность. — Неточность выражений: различные значения слова «сознательность». — Могут ли быть неосознанные ощущения? — Ощущать и замечать. — Незамеченные ощущения. — Закон чувствительности. — Рефлективные действия и рефлективные чувствования. — Ощущения, остающиеся незамеченными во время раздумья и сна. — Примеры того, что спящие сознают ощущения. — Общая сознательность, системные ощущения: чувство бытия. — Системная сознательность, сознательность чувства, сознательность мысли.

Глава 11. Мозг и умственная деятельность.

Отдел 1. — Головной мозг.

Краткое повторение всего сказанного в предыдущей главе. — Ошибочность мнения, будто головной мозг есть единственный орган духовной деятельности. — Источники наших знаний об этом предмете: опыт, болезненные случаи, сравнительная анатомия. — Описание мозга. — Доводы сравнительной анатомии против мнения будто головной мозг есть исключительное седалище ощущения и воли. — Сравнение нервной системы моллюска и насекомого. — Вес мозга. — Его извивы; суть ли они седалище умственной деятельности. — Отправления головного мозга. — Действие давления на мозг: любопытный случай. — Исследования Флуранса. — Состояние животных по удалении мозга. — Опыт Флуранса, Булльо, Лонже и Дальтона. — Отношение мозга к нервам. — Формы чувствительности, свойственные головному мозгу. — Разум и душевные движения. — Как могут одинаковые извивы иметь различные отправления? — Френология. — Разрешение затруднения. — Отношение разума к чувствам, и душевных движений к внутренностям. — Другие отправления головного мозга.

Глава 11 (Продолжение). Мозг и умственная деятельность.

Отдел II. — Мозжечок и продолговатый мозг.

Описание мозжечка. — Гипотеза Галля. — Опыты, деланные Флурансом для доказательства того, что мозжечок согласует мышечные движения; доводы против этой гипотезы. — Прямое противоречие. — Опыты Шиффа. — Доказательства, представляемые сравнительною анатомиею и болезненными случаями. — Отсутствие мозжечка не сопровождается отсутствием согласования мышечного движения; случай Комбетта. — Мозжечок как место, в котором совершается ощущение и хотение. — Принимает ли мозжечок какое-нибудь участие в умственной деятельности. — Описание продолговатого мозга. — Составляет ли продолговатый мозг нечто отдельное от спинного мозга? — Продолговатый мозг есть центр хотения. — Почему на него смотрят как на центр хотения? — Находится ли в нем «жизненная точка»? — Опыты Флуранса и противоречащие им опыты Шиффа и Броун Секуара. — Влияние продолговатого мозга на деятельность сердца. — Почему внезапное и чрезмерное горе или радость может причинить смерть. — Боль как причина смерти. — Общий обзор отправлений головного мозга.

Глава 11 (Продолжение). Мозг и умственная деятельность.

Отдел III. — Спинной мозг и его отправление.

Строение спинного мозга. — Несовершенство наших микроскопических знаний. — Различие между организмом и механизмом: органическому механизму присуща жизненность и чувствительность. — Теория рефлексивной деятельности: Маршалл Галль, Мюллер и Прохаска. — Исключение ощущений неправильное. — Защита теории Грейнджером. — Рефлексивные волокна Шредера. — Ощущение без головного мозга: опыты над насекомыми. — Опыты Маршалль Галля. — Произвольные движения у животных обезглавленных. — Рефлексивные действия головного мозга. — Водобоязнь. — Действия произвольные и произвольные. — Что такое контроль воли? — Воля зависит от ощущения. — Увеличение влияния воли. — Контроль над мыслями. — Движения произвольные, делающиеся произвольными. — Спинной мозг как центр ощущений; мнения древних писателей; доказательства дедуктивные; доказательства индуктивные. — Доказательство того, что в животных обезглавленных существует произвол и что они могут избирать. — Два центра чувствительности в одном животном — Рефлексивные ли

действия хождение и плавание? — Опыты над щенками и кролика-ми. — Разбор доказательств, приводимых против чувствительности спинного мозга. — Какое участие в наших действиях принимает спинной мозг.

Глава 12. Наши чувства и ощущения.

Сколько у нас чувств? Определение выражений. — Новая классификация ощущений. — Органические ощущения. — Мышечное чувство; доказательства его существования; опыты, которые показывают, что оно пребывает не в коже, но в мышцах. — Нарушение электрического равновесия производит нервную деятельность. — Ощущения получаемые общою поверхностью тела: различная чувствительность кожи. — Осязание: Осязательные тельца не суть органы осязания; как все наши ощущения мы делаем местными; все ощущения относятся к поверхности; осязание в отнятых членах; некоторые части кожи чувствительнее других. — Ощущение бегания мурашек в ногах. — Вкус: его орган; вещества, имеющие вкус, должны быть растворимы; можем ли мы доверять нашему инстинкту во вкусе? Отзыв вкуса. — Обоняние: его орган; «обонятельные нервы» суть ли действительно нервы обоняния? — нервы ли они вообще? — Примеры совершенного чувства обоняния в отсутствии обонятельных нервов. — Пахучие вещества. — Различия и польза обоняния. — Слух: его орган; случай разрыва барабанной перепонки; различия звуков, музыкальное ухо; действие звуков на расположение духа; субъективные звуки; направление звука и как оно различается. — Зрение: его орган. — Изображения передаются ли мозгу? — Описание сетчатой оболочки. — Нервна ли она? — она нечувствительна к свету; зрение начинается изменением температуры. — Субъективное зрение, замечательные примеры. — Простое зрение при помощи двух глаз; объяснение парадокса. — Почему предметы не представляются в обратном виде? — Слепота относительно цветов. — Психологическое значение нового воззрения на чувства.

Глава 13. Сон и сны.

Что такое сон? — Сон и смерть — Характеристика сна. — Невозможность удержаться от сна. — Приключение доктора Соландера. — Влияние воли. — Жар и холод предрасполагают ко сну. — Продолжительность сна — Примеры укрепляющего действия самого короткого сна. — Сон детей и стариков. — Есть ли сон время

восстановления сил? — Общее заблуждение. — Влияние сна на организм. — Новая теория сновидений.

Глава 14. Свойства, переходящие от родителей к детям.

Противоречие обиходных мнений об этом предмете. — Мистер Бёкль отвергает закон наследственности — Разбор его мнения. — Общие черты, передающиеся наследственно — Разность между семьями. — Особенности, передающиеся наследственно. — Передаются ли случайные изменения? — Наследственность привычек. — Влияние другого родителя. — Наследственность пороков, болезней, предрасположений. — Наследственность долговечности. — Предрасположение к сумасшествию. — Влияние отца и матери. — Опровержение положения, будто отец передает органы животной, а мать органы растительной жизни. — Любопытные примеры. — Дети великих людей. — Необходимое сочетание влияний двух родителей. — Нарушающие причины: атавизм; сила индивидуальности; возраст, пол. — Обзор всех доводов. — Может ли быть допущен брак лиц имеющих наследственные болезненные предрасположения.

Глава 15. Жизнь и смерть.

Тайна жизни. — Приостановленная жизненность. — Существует ли жизненное начало? — Разбор доводов в пользу его существования. — Противодействует ли жизнь химическому сродству? — Предшествует ли жизнь организации? — Жизнь есть сложное единство. — Что такое жизнь? — Опыты определений. — Жизнь клеточки. — Жизнь частей и жизнь целого. — Три закона жизни. — Жизнь растительная и жизнь животная. — Разбор мнений Биша: органы животной жизни, их двойственность и симметрия; закон периодичности не исключительно свойствен животным отправлениям. — Отношения жизни к внешней среде. — Продолжительность жизни. — Четыре возраста. — Долговечность. — Старость. — Смерть необходимый итог жизни. — Смерть частей. — Смерть организма. — Мнимая смерть. — Признаки смерти.

Заключение.

Список литературы

1. Березкина, 2013 — *Березкина С.В.* Ф.М. Достоевский и М.Н. Катков (из истории романа «Преступление и наказание») // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72, № 5. С. 16–25.
2. Бухарев, 1865 — *Бухарев А.* Печаль и радость по слову Божию. Очерки священных книг «Плача Иеремии» и «Песни Песней» с приложением соображений об Апокалипсисе и 3 книге Ездры. М.: Изд. книгопродавца А.И. Манухина, 1865. 280 с.
3. Деханова, 2023 — *Деханова О.А.* Книга в книге: «Физиология обыденной жизни» Д.Г. Льюиса в романе «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4 (24). С. 129–146. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-129-146>
4. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
5. Евангелие Достоевского, 2010 — Евангелие Достоевского. Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф.М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года: в 2 т. М.: Русский Мирь, 2010. Т. 1. 656 с.
6. Кайданов, 1817 — Руководство к познанию всеобщей политической истории. Часть первая. Древняя история, изданная для воспитанников Императорского Царско-сельского Лицея и учрежденного при нем Благородного Пансиона Всеобщ. Политич. Истории и Статистики Ординарным Профессором 7-го класса Иваном Кайдановым. СПб.: Тип. Иосифа Иоаннесова, 1817. 196 с. основной пагинации + 20 с. первой пагинации + 9 с. третьей пагинации + хронологическая таблица.
7. Касаткина, 2023 — *Касаткина Т.А.* «Мы будем — лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского / отв. ред. Т.Г. Магарил-Ильяева. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.
8. Кирпотин, 1978 — *Кирпотин В.Я.* Разочарование и крушение Родиона Раскольников: (Книга о романе Достоевского «Преступление и наказание») // *Кирпотин В.Я.* Избранные работы: в 3 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 3. С. 7–434.
9. Льюис, 1867 — *Льюис Г.Г.* Физиология обыденной жизни / пер. с англ. профессоров Московского университета Я.А. Борзенкова и С.А. Рачинского. 4-е изд., испр., с полнотипажам. М.: Изд. книгопродавца А.И. Глазунова, 1867. Печатано с издания 1864. 681 с. основной пагинации + 14 с. первой пагинации.
10. Ксенофонт, 1976 — *Ксенофонт.* Киропедия / В.Г. Борухович, Э.Д. Фролов. М.: Наука, 1976. 334 с.
11. Плутарх, 1994 — *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания: в 2 т. / С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш М.: Наука, 1994.
12. Подосокорский, 2023 — *Подосокорский Н.Н.* Наполеон-Солнце в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 57–105. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-57-105>
13. Подосокорский, 2023а — *Подосокорский Н.Н.* О XXV Международных чтениях «Произведения Ф.М. Достоевского в восприятии читателей XXI века» (Старая Русса, 19–21 апреля 2023 года) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 315–327. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-315-327>

14. Смарагдов, 1859 — Руководство к познанию древней истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым, учителем истории и географии при Сиротском институте Гатчинского воспитательного дома. 7-е изд. СПб.: Изд книгопродавца Ю.А. Юнгмейстера, 1859. 352 с. основной пагинации + 10 с. первой пагинации + 30 с. третьей пагинации.
15. Троицкий, 1889 — Святые пророки ветхого Завета. Последовательное изъяснение славянского текста / сост. Н.И. Троицкий. Тула: Тип. Н.И. Соколова, 1889. Т 1: Книга пророка Исайи. 614 с.
16. Троицкий, 2020 — *Троицкий Н.А. Наполеон Великий: в 2 т. / подгот. к публ., вступ. ст. М.В. Ковалева, Ю.Г. Степанова. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 2: Император Наполеон. 549 с.: ил.*

References

1. Berezkina, S.V. “F.M. Dostoevskii i M.N. Katkov (iz istorii romana ‘Prestuplenie i Nakazanie’)” [“Fedor Dostoevsky and Mikhail Katkov (from the History of the Novel *Crime and Punishment*”)]. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, vol. 72, no. 5, 2013, pp. 16–25. (In Russ.)
2. Bukharev, A. *Pechal' i radost' po slovu Bozhiiu. Ocherki sviashchennykh knig ‘Placha Ieremii’ i ‘Pesni Pesnei’ s prilozheniem soobrazhenii ob Apokalipse i 3 knige Ezdry [Sorrow and Joy in the Word of God. Sketches of the sacred books of the Lamentations of Jeremiah and the Song of Songs, with an appendix of considerations on the Apocalypse and Ezra 3]*. Moscow, Izd. kinoproductsva A.I. Manukhina Publ., 1865. 280 p. (In Russ.)
3. Dekhanova, O.A. “Kniga v knige: ‘Fiziologiya obydennoj zhizni’ D.G. Lyuisa v romane ‘Prestuplenie i nakazanie’” [“A Book in the Book: *Physiology of Common Life* by G.H. Lewes in the Novel *Crime and Punishment*.”] *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (24), 2023, pp. 129–146. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-129-146>
4. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh [Complete Works: in 30 vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
5. *Evangelie Dostoevskogo. Lichnyi ekzempliar Novogo Zaveta 1823 goda izdaniia, podarenniy F.M. Dostoevskomu v Tobol'ske v ianvare 1850 goda: v 2 tomakh [Dostoevsky's Gospel. Personal Copy of the New Testament, 1823 Edition, Given to Fyodor Dostoevsky in Tobolsk in January 1850: in 2 vols]*, vol. 1. Moscow, Russkii mir” Publ., 2010. 656 p. (In Russ.)
6. *Rukovodstvo k poznaniu vseobshchei politicheskoi istorii. Chast' pervaiia. Drevniaia istoriia, izdannaia dlia vospitannikov Imperatorskogo Tsarskogo-sel'skogo Litseia i uchrezhdenno go pri nem Blagorodnogo Pansiona Vseobshch. Politich. Istorii i Statistiki Ordinarnym Professorom 7-go klasa Ivanom Kaidanovym [Guide to the Knowledge of Universal Political History. Part One. Ancient History, Published for Pupils of the Imperial Tsarskoe Selo Lyceum and the Noble Boarding School Established Under It. Political. History and Statistics by Ivan Kaidanov, Ordinary Professor of the 7th Class]*. St. Petersburg, Tip. Iosifa Ioannesova Publ., 1817. 196 p. main pagination + 20 p. first pagination + 9 p. of the third pagination + chronological table. (In Russ.)
7. Kasatkina, T.A. “*My budem — litsa...*” *Analitiko-sinteticheskoe chtenie proizvedenii Dostoevskogo [“We Will Be Faces/Persons...” An Analytical-Synthetic Reading of Dostoevsky's Works]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2023. 432 p. (In Russ.)

8. Kirpotin, V.Ia. “Razocharovanie i krushenie Rodiona Raskol’nikova: (Kniga o romane Dostoevskogo ‘Prestuplenie i nakazanie’)” [“Rodion Raskolnikov’s Disillusionment and Collapse (A Book about Dostoevsky’s Novel *Crime and Punishment*)”]. *Izbrannye raboty: v 3 tomakh* [Selected Works: in 3 vols], vol. 3. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1978, pp. 7–434. (In Russ.)
9. Lewes, G.H. *Fiziologii obydennoi zhizni* [Physiology of Common Life]. Trans. by English professors of Moscow University Ia.A. Borzenkov and S.A. Rachinskii. 4th Edition, corrected with polytypes. Moscow, Izd. kinoprodavtsa A.I. Glazunova Publ., 1867. Printed on the Edition of 1864. 681 p. main pagination + 14 p. first pagination. (In Russ.)
10. Xenophon. *Kiropedia* [Cyropaedia]. B.G. Borukhovich, E.D. Frolov. Moscow, Nauka Publ., 1976. 334 p. (In Russ.)
11. Plutarch. *Sravnitel’nye zhizneopisaniia: v 2 tomakh* [Comparative Biographies: in 2 vols]. S.S. Averintsev, M.L. Gasparov, S.P. Markish. Moscow, Nauka Publ., 1994. (In Russ.)
12. Podosokorskii, N.N. “Napoleon-Solntse v romane F.M. Dostoevskogo ‘Prestuplenie i nakazanie’” [“Napoleon-Sun in Dostoevsky’s Novel *Crime and Punishment*”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (22), 2023, pp. 57–105. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-57-105>
13. Podosokorskii, N.N. “O XXV Mezhdunarodnykh chteniakh ‘Proizvedeniia F.M. Dostoevskogo v vospriiatii chitatelei XXI veka’ (Staraiia Russa, 19–21 aprelia 2023)” [“About the 25th International Readings ‘Dostoevsky’s Works in the Perception of 21st-Century Readers’ (Staraya Russa, April 19–21, 2023)”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (22), 2023, pp. 315–327. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-315-327>
14. *Rukovodstvo k poznaniiu drevnei istorii dlia srednikh uchebnykh zavedenii, sochinennoe S. Smaragdovym, uchitelem istorii i geografii pri Sirotskom institute Gatchinskogo vospitatel’nogo doma* [A Guide to the Knowledge of Ancient History for Secondary Schools, Written by S. Smaragdov, Teacher of History and Geography at the Orphan Institute of the Gatchin Educational Home]. St. Petersburg, Izd. kinoprodavtsa Iu.A. Iungmeistera Publ., 1859 p. main pagination + 10 p. first pagination + 30 p. third pagination. (In Russ.)
15. *Sviatyie proroki vetkhogo Zaveta. Posledovatel’noe iz’iasnenie slavianskogo teksta* [The Holy Prophets of the Old Testament. A sequential explanation of the Slavonic text], vol. 1: Kniga proroka Isaii [The Book of Isaiah]. N.I. Troitskii. Tula, Tip. N.I. Sokolova Publ., 1889. 614 p. (In Russ.)
16. Troitskii, N.A. *Napoleon Velikii: v 2 tomakh* [Napoleon the Great: in 2 vols], vol. 2: Imperator Napoleon [Napoleon the Emperor]. Ed. by M.V. Kovaleva, Iu.G. Stepanova. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2020. 549 p., ill. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.11.2023
Одобрена после рецензирования: 19.11.2023
Принята к публикации: 21.11.2023
Дата публикации: 25.12.2023

The article was submitted: 18 Nov. 2023
Approved after reviewing: 19 Nov. 2023
Accepted for publication: 21 Nov. 2023
Date of publication: 25 Dec. 2023